

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ П. Н. ШУЛЬЦА В 1920-е ГГ.

Николай Николаевич Чемодуров

*Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия
hombre_sin_nombre@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0277-4862>*

Аннотация. Подлинное понимание многогранного развития науки невозможно без контекстуального учета мотивов, решений и поступков его основных движущих сил – ученых. Представляется, что от правильности современного восприятия личности исследователя прошлого зависит истинность и обоснованность суждений о его вкладе, а также месте в истории научного познания. П. Н. Шульца (1901–1983) называют археологом или историком искусства. Насколько верно одно или другое определение? Очевидность ответа на этот вопрос мнимая. На самом деле, в нем скрывается важная проблема модернизации профессиональной специализации ученого XX в. Виденье археолога столетней давности существенно отлично от принятого в наши дни. На рубеже XIX–XX вв. в России продолжалось теоретическое осмысление археологии как самостоятельной научной дисциплины, предлагались варианты ее предмета, задач и методов. Усилиями ученого сообщества создавались предпосылки возникновения системы подготовки специалистов-археологов в университетах. Революция 1917 г. ускорила эти процессы. Государственная идеология материализма определила новые задачи исторической науки, в инструментарии которой важнейшее место заняло изучение вещественных источников. В 1919 г. в Петрограде на организационном фундаменте бывшей Императорской Археологической комиссии создается Российская академия истории материальной культуры. Ее штат составили деятели дореволюционной науки, но их число было невелико. Последующие административные преобразования советской власти в системе высшего образования были призваны обеспечить подготовку новых кадров археологов-марксистов. В их числе оказались представители поколения ученых, родившихся в 1890–1900-е гг. Среди ровесников века выделим фигуру П.Н. Шульца. Эпизод его ранней биографии – показательный пример профессионального становления в обстановке 1920-х гг. Кем готовился стать и кем в итоге стал наш герой, предстоит узнать в результате настоящего исследования.

Ключевые слова: П. Н. Шульц, археолог, Петроград, университет, поколение 1890–1900-х гг.

P. N. SCHUL’TS’ PROFESSIONAL DEVELOPMENT IN THE 1920s

Nikolai N. Chemodurov

*Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia
hombre_sin_nombre@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0277-4862>*

Abstract. Pure understanding of the multifaceted development of research would not be possible without contextual consideration of the personal motives, decisions, and actions of the main driving forces, or scholars. It seems that modern perception of past researcher’s personality deeply influences the correctness and foundation of the evaluation of his contribution and his place in the history of academic research. P. N. Schul’ts (1901–1983) is called an archaeologist or art historian. Is this or that interpretation true? One-way answer to this question is nothing but fiction. In fact, such an answer hides the important aspect of modernization of the professional specialization of a twentieth-century scholar. A century ago, archaeologist’s vision significantly differed from today’s. At the turn of the eleventh and twentieth century, Russia continues theoretical understanding of archaeology as an independent academic discipline suggesting variants of its subject, tasks, and methods. The efforts of the academic community created the background for the system of training archaeologists at universities. The 1917 revolution accelerated these processes. The state ideology of materialism defined new tasks of history as discipline, with the study of material sources as the main task. In 1919, the Russian Academy for the History of Material Culture was established in Petrograd on the background of the former Imperial Archaeological Commission. Its personnel comprised of a very few persons of pre-Revolution scholarship. Later administrative reforms of the Soviet government in the higher education system were designed to ensure the training of new personnel of Marxist archaeologists. Among

them were representatives of the generation of scholars born in the 1890–1900: let us stand out the figure of P. N. Schul'ts. The episode of his early biography under present study would be an illustrative example of his professional development in the 1920s. His supposed career and his actual career will be uncovered by present research.

Keywords: P. N. Schul'ts, archaeologist, Petrograd, university, 1890–1900s generation

В конце XIX столетия в России под словом «археология» в широком смысле понималась история классического искусства. Конкретного обозначения для человека, занятого в такой сфере, не существовало¹. Ни один университет Российской империи не готовил специалистов «археологов», хотя соответствующие теоретические дисциплины преподавались во многих учебных курсах [31]. В 1910 г. важным достижением стало написание А. А. Спицыным первого специального пособия, основанного на лекционном цикле [30]. Необходимость введения археологии в число направлений университетской подготовки становилась предметом обсуждения дореволюционных археологических съездов [32, с. 361]. Вместе с тем, практические навыки по-прежнему можно было получить, лишь став частью научных школ, сложившихся в конце XIX в. вокруг Н. П. Кандакова, Н. И. Веселовского, М. И. Ростовцева, Б. В. Фармаковского и других ученых, совместивших в своей работе кабинетные и полевые методы.

Перемены в России после 1917 г. не привели к быстрой трансформации археологической науки. Первые преобразования коснулись формы организации археологической службы: бывшая Императорская Археологическая комиссия стала Российской академией истории материальной культуры, многочисленные губернские архивные комиссии продолжили свою краеведческую и памятникоохранную деятельность в статусе обществ истории, археологии и этнографии, не прекратили активной работы, но объединились вокруг музеев, библиотек и университетов члены упраздненных МАО, РАО, ООИД и др. Одновременно нововведения советской власти затронули сферу образования. В университетах Москвы и Ленинграда в 1920-е гг. появляются археологические отделения, попытки организации таких подразделений предпринимались и в других крупных городах РСФСР [32, с. 363–365]. Вскоре начинает складываться система подготовки соответствующих научных кадров. Действительные реалии этих перемен отразились в страницах судеб представителей поколения исследователей, родившихся в конце 1890-х – начале 1900-х гг., деятельность которых определила развитие советской науки о прошлом на десятилетия вперед. В историко-научной литературе их традиционно объединяют под знаменателем «археолог». Но, кажется, не все так однозначно.

К числу ровесников века принадлежал П. Н. Шульц (1901–1983). Его детство и юность прошли в обстановке жизненного уклада последних десятилетий существования Российской империи. Ориентиры взросления и складывания личности П. Н. Шульца, главным образом, человеческое окружение, вскоре были разрушены революцией и Гражданской войной. Затем наступила новая эпоха, в которой прежнее оказалось в корне неверным. Поколению 1890–1900-х гг. предстояло стать строителями фундамента будущего справедливого, счастливого и правильного мира. П. Н. Шульц в 1918–1919, 1920–1923 гг. учился в Петроградском университете. В одно время с ним в Петрограде/Ленинграде готовились стать археологами, историками и искусствоведами М. И. Артамонов, А. А. Иессен, С. Н. Замятин, М. Г. Худяков, М. К. Каргер, В. Ф. Гайдукевич, С. С. Гейченко, Т. Н. Книпович, К. М. Колобова, Г. Д. Белов, А. Н. Карасев, Е. И. Леви и еще немало ярких фигур будущей советской науки. Уделяя главное внимание становлению П. Н. Шульца, время от времени мы будем обращаться к подробностям судеб его сверстников. Личный пример каждого из них, конечно, уникален. Но в выборке оригинальных траекторий можно проследить некоторые общие закономерности.

Происхождение П. Н. Шульца. В досоветской России традиция празднования дня рождения не была ни устойчивой, ни массовой. Более значимыми считали именини. Статус праздника день рождения приобретает к 1930-м гг. [16, с. 10]. В том числе и поэтому в опреде-

¹ Как, впрочем, и сейчас. В современном российском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов отсутствует такая специальность как «археолог».

лении точной даты появления на свет отдельных представителей поколения 1890–1900-х гг. возникает путаница. Годами жизни П. Н. Шульца обычно называют: 1899–1982² [29, с. 59], 1900–1983 [36, с. 285, 22, с. 150, 18, с. 122, 38, с. 272] или 1901–1983 гг. [6, с. 4; 37, с. 191]. Видятся две причины разницы в мнениях. Во-первых, сам Павел Николаевич в официальных документах (автобиографиях, анкетах, листках учета кадров) указывал год рождения по-разному³. Вторая причина связана с первой и заключается в том, что 1900 г. был записан в документах воинского учета, данные из которых автоматически переносились в выданные впоследствии удостоверения, свидетельства и прочие официальные бумаги. Проясняет дело документ из личного фонда П. Н. Шульца – метрическое свидетельство его сестры Надежды, появившейся на свет, согласно записи, 24 июня 1900 г. [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 10, л. 9]. Родиться в тот же год археолог по понятным причинам не мог. К сожалению, выписки из метрической книги о его рождении в личном фонде не сохранилось. Но из двух основных версий мы уверенно можем выбрать единственную – 1901 г.⁴

Первые годы жизни Павла Шульца прошли в атмосфере домашнего воспитания в Санкт-Петербурге, где его дед по отцовской линии – Павел Антонович Шульц (1831–1905), сенатор, писатель, публицист, имел большой особняк с собственной библиотекой и картинной галереей. Думается, основы исторического мировоззрения в раннем возрасте у Павла Шульца заложила мать – Надежда Николаевна (1875–1941), выпускница Смольного института благородных девиц, дочь Николая Яковлевича Аристова (1834–1882), действительного статского советника, профессора Варшавского и Харьковского университетов, специалиста по русской истории, рано ушедшего из жизни. Отец будущего ученого, Николай Павлович Шульц (1873–1942), по окончании Петербургского университета в 1896 г. был оставлен на кафедре ботаники и анатомии растений для приготовления к профессорскому званию. Помимо исследовательской работы в университете он преподавал в Санкт-Петербургском народном университете, Санкт-Петербургском Мариинском институте, Павловском женском сиротском институте, Педагогической академии, а в 1910 г. принял деятельное участие в открытии и работе Коммерческого училища А. П. Нечаева, впоследствии – Коммерческого учебного общества экспериментальной педагогики [18, с. 124–125].

Филиал этого учреждения в Ржевском уезде помещался в имении Петровское, принадлежавшем семье Шульцев (рис. 1). По замечанию одного биографа, там будущий ученый получил среднее образование [17, с. 124], но сам П. Н. Шульц писал, что учился в Санкт-Петербурге [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 3, л. 12]. Оконченное им коммерческое училище, основанное психологом, педагогом и публицистом А. П. Нечаевым, соединяло в своей работе образовательную и исследовательскую функции. Организатор учебного заведения обосновал необходимость введения в практику преподавания инструментария психологии, наблюдения душевной жизни учащихся, использования педагогического эксперимента [20, с. 72]. При этом подходы должны были постоянно совершенствоваться в соответствии с результатами непосредственной работы учителя с учениками. Согласно Уставу училище давало общее и коммерческое образование. В распоряжении учеников были библиотека (ученическая и фундаментальная), физический кабинет, музей образцов товаров и лаборатория для экспериментов по химии и товароведению [34, с. 2–3]. Содержание программы обучения приоткрывает аттестат⁵ П. Н. Шульца об окончании училища в 1918 г. (Приложение 1). Обязательными для изучения были два современных (французский и немецкий) языка, технические (арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, аналитическая геометрия и анализ), естественные (естествоведение, физика, химия, космография) и коммерческие (коммерческая арифметика, бухгалтерия, коммерческая корреспонденция, политэкономия, товароведение) дисциплины, а также история, география, законоведение, психология, рисо-

² Затруднительно объяснить выбор авторов. Ни один известный нам документ не фиксирует таких лет жизни П. Н. Шульца.

³ Или 1900 г., или 1901 г.

⁴ Именно этот год выбит на могиле П. Н. Шульца на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге.

⁵ Судя по успехам, П. Н. Шульц с гимназических лет тяготел к гуманитарной стезе.

вание, черчение и лепка. Дополнительно учащиеся могли пройти курсы обучения древнему языку (латинскому), пению, ручному труду и физических упражнений. Совокупность этих дисциплин в соединении с инновационными методиками преподавания, ориентированного на индивидуальный подход, должны были сформировать у обучающегося комплексные и многосторонние знания [34, с. 7]. Аттестат об окончании училища открывал возможность продолжения учебы в университете.

Сопоставим исходные возможности П. Н. Шульца и его будущих коллег. Вопреки распространенному, в том числе и в научной литературе, мнению о сословных ограничениях в средней и высшей школе Российской империи, современные исследования для периода второй половины XIX – начала XX в. показали устойчивую динамику роста доступности всех ступеней образования вне зависимости от половой, социальной и этно-конфессиональной принадлежности учащихся [26; 17]. В первое десятилетие XX в. в гимназиях насчитывалось примерно равное число мальчиков и девочек (с существенным преобладанием девочек в некоторых регионах); дети мещан, ремесленников и крестьян составляли более половины, в то время как потомки дворян – не более четверти⁶. Похожая картина складывалась и в высших учебных заведениях [26, с. 520, 524]. Обучение в гимназии, а затем в институте или университете было платным, потому главным препятствием для ребенка из любого сословия становилась материальная необеспеченность. Приведенным фактам не противоречит ситуация, сложившаяся для поколения родившихся в 1890–1900-е гг. Из перечисленных выше 12 персонажей, только двое – П. Н. Шульц и А. И. Иессен – имели дворянское происхождение, С. Н. Замятнин и Е. И. Леви родились в семьях юристов, М. Г. Худяков – в купеческой семье, отец С. С. Гейченко был воспитанником, а В. Ф. Гайдукевича – врачом, Т. Н. Книпович – дочь известного ученого-зоолога, М. М. Колобова – священника, М. К. Каргер – сын сельского учителя, наконец, М. И. Артамонов, Г. Д. Белов и А. Н. Карасев – дети крестьян. Четверо не имели гимназического образования: В. Ф. Гайдукевич отучился в трудовой школе, Г. Д. Белов – в учительской семинарии, М. И. Артамонов окончил начальную школу и вечернее четырехклассное училище, А. Н. Карасёву пришлось оставить гимназию после 5 класса, чтобы содержать двух младших братьев. Среди учителей будущих представителей первого поколения советских археологов можно назвать имена М. И. Ростовцева, А. А. Миллера, Н. П. Сычева, Д. А. Шмидта (имевших дворянство), Д. В. Айналова, С. А. Жебелева (из купеческих семей), А. А. Спицына (сына мещанина), А. А. Васильева (сына военного), О. Ф. Вальдгауэра (сына врача), Б. В. Фамаковского (сына учителя), Д. А. Золотарева (сына священника). Видим, что в старшей генерации специалистов, сформировавшихся задолго до революции, также далеко не все относились к высшему сословию. Затруднительно назвать среди них разве только выходцев из крестьян⁷.

Студенчество П. Н. Шульца. В конце XIX – начале XX в. условием получения высшего образования было наличие гимназического аттестата. И лишь выпускники классических училищ могли претендовать на обучение в императорских университетах. Так, В. И. Равдоникас, без учета личности которого немыслима история советской археологии, кстати, тоже учившийся в Петроградском университете в одно время с П. Н. Шульцем, окончил до революции реальное училище, в 1915 г. смог попытать удачи только на экономическом отделении Санкт-Петербургского Политехнического института, мог стать коммерсантом. Но стремление к занятию археологией возобладало, хотя путь к специальному университетскому образованию оказался долгим [25, с. 150]. В системе образования Российской империи М. И. Артамонов, Г. Д. Белов, В. Ф. Гайдукевич и А. Н. Карасев не имели бы возможности учиться в Петроградском университете. Но революционные перемены 1917–1918 гг. сделали высшее образование общедоступным. Декрет СНК РСФСР «О правилах приема в высшие учебные заведения» от 2 августа 1918 г. позволил принимать в ВУЗы всех желающих без

⁶ Следует принимать во внимание, что эта статистика не отражает соотношения учившихся/не учившихся в каждом отдельном сословии. Разница в проценте грамотности среди детей дворян и крестьян/мещан все же оставалась существенной.

⁷ Впрочем, Н. П. Кондаков, относившийся к еще более старшему поколению, родился в семье «дворового человека». Это никак не помешало ему учиться в Московском университете.

предъявления документов о среднем образовании и, что важно, на бесплатной основе. Этим актом отменялись результаты приемной кампании на первый курс 1918/1919 гг. Должно было организовать новый набор без проведения экзаменов. Нарушения декрета рассматривались судом революционного трибунала [1]. В 1918–1920 гг. для абитуриента в Петрограде открывались двери десятков старых и новоучрежденных учебных заведений. Кажущееся на первый взгляд благополучие имело и обратную сторону. Процесс приема в университет в 1918–1919 гг. приобрел хаотичный характер (многие поступившие быстро разочаровывались в реалиях студенческой жизни), ни один университет не был готов материально обеспечить значительно возросшее количество обучающихся (в силу невозможности совмещать учебу и заработок, малоимущие учащиеся оставляли университет), наконец, качество преподавания катастрофически снизилось пропорционально уровню подготовленности новых обучающихся [13, с. 138–142]. Следует помнить, что эти обстоятельства отягчались продолжавшейся Гражданской войной и связанными с ней гуманитарными трудностями.

Существование студента в таких условиях рельефно отражают страницы биографии П. Н. Шульца (рис. 2). Окончив коммерческое училище, он не успел поступить в университет по старым правилам. В декабре 1918 г. составил прошение о зачислении на историко-филологический факультет Петроградского университета. Его персональные интересы в это время в очень широком смысле можно было определить как стремление изучать искусство древности [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 2, д. 4048, л. 1]. В согласии с положением Декрета от 2 августа 1918 г. прием осуществлялся в течение всего учебного 1918/1919 года, и заявление было удовлетворено. Кроме того, весной 1919 г. П. Н. Шульц успел пройти программу Живописных курсов при Рабоче-крестьянском доме в Петрограде. Все же долго учиться ему не пришлось, об этом он писал: «В мае 1919 г. я был мобилизован и вплоть до октября 1920 г. находился в Красной армии за пределами Петрограда. В октябре 1920 г. мне удалось откомандироваться в Военную часть, стоявшую в Петрограде. Одновременно я был командирован в Университет Союзом пролетарских культурно-просветительских организаций (Пролеткульт) г. Ржева, где работал в качестве инструктора и затем заведующего отделом ИЗО. В 1921 г. по статьям 26 и 39 (туберкулез) я вовсе был уволен из Красной армии и целиком отдался учебному делу. В октябре 1921 г. я вторично был командирован в Университет Петропрофбром (командировка при анкете)» [там же, л. 44]. Пока будущий археолог служил в рядах Красной армии, не стало факультета, на который он поступал: решением Наркомпроса РСФСР от 3 июня 1919 г. историко-филологические факультеты вошли в систему организуемых факультетов общественных наук (ФОН).

Судя по сохранившимся документам, П. Н. Шульц в это время не был полностью уверен, что ему вообще удастся продолжить обучение в Петроградском университете. До окончательного увольнения из армии, оказавшись в Петрограде, 8 ноября 1920 г. он поступил на гуманитарный факультет историко-филологического отделения Педагогического института [там же, л. 39]. Совершенно неожиданным в биографии ученого выглядит следующий факт: 24 ноября 1920 г. он пишет заявление о зачислении в слушатели Центрального Института живых восточных языков (далее – ЦИЖВЯ) по отделению сартского языка. Истинные мотивы может раскрывать приписка: «Желаю пользоваться довольствием и интернатом и при сем прилагаю удостоверение об окончании училища и выписку из домовой книги». Но проручившись месяц на сартском отделении в начале декабря того же года П. Н. Шульц написал очередное заявление ректору ЦИЖВЯ, в котором его интенции не кажутся обусловленными исключительно желанием поправить материальное положение: «Совместно со слушателем Сартского отделения Михаилом Крутиковым, уже в продолжение полутора недель я посещаю занятия санскритского отделения и почти нагнал слушателей последнего. Слушатель санскритского отд. Крутиков и я брали урок по санскриту у М. И. Тубянского и предполагали взять второй. Знание санскрита, в целях изучения искусства Индии, всегда являлось моей основной целью. В настоящее время я веду занятия в Университете и на Дальневосточном отделении Института Истории Искусств в целях приобретения общей подготовки для означенных заданий» [ЦГА СПб, ф. Р-7222, оп. 30, д. 2898, л. 1–2]. Может быть, в П. Н. Шульце наука потеряла индолога.

Несмотря на некоторую рассеянность внимания П. Н. Шульц не оставлял попыток вернуться в Петроградский университет. Помог случай: в структуру высшего учебного заведения в начале 1921 г. оказался включен Педагогический институт. Заручившись характеристикой Петропрофобра, а также отзывами своих учителей О. Ф. Вальдгауэра и Б. В. Фармаковского, П. Н. Шульц обратился к проректору Единого Петроградского университета с просьбой о возбуждении ходатайства о переводе на ФОН. В письме он перечислил сданные ранее дисциплины и отметил, что под руководством О. Ф. Вальдгауэра выполнил работу «Мадонна Бенуа и ее автор». В личном студенческом деле сохранилась выписка о решении президиума ФОН: «Ввиду поступивших отзывов о незаурядных способностях и интересах к науке студента Шульца, Педоуч просит считать его командированным для продолжения образования» [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 2, д. 4048, л. 7]. Свою роль в этом решении сыграло включение П. Н. Шульца в льготную категорию Главпрофобра для детей профессоров и преподавателей. ФОНы имели сложную внутреннюю структуру. П. Н. Шульц был восстановлен в качестве студента литературно-художественного отделения музеиного цикла ФОН Петроградского университета в конце осени 1921 г. [там же, л. 2].

К этому времени спокойному обучению в очередной раз помешали внешние обстоятельства: 21 июня 1921 г. вступили в силу новые правила приема в высшие учебные заведения, провозгласившие классовый принцип комплектования обучающихся [13, с. 140]. Теперь учеба в университете для имевших дворянское происхождение вновь становилась платной. В 1918 г. П. Н. Шульц уже имел опыт отвлечения на подработку в педагогической и культурно-просветительской деятельности в Ржевском пролеткульте и Губполитпросвете [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 2, д. 4048, л. 15]. И теперь такая занятость вновь могла сильно помешать продолжению образования. Он неоднократно обращался в Комиссию по платности университета. Отмечал, что платить абсолютно не в состоянии. Прилагал сведения о своей занятости: так, в первой половине 1922 г. работал по ночам грузчиком, получая 20–25 миллионов руб. в месяц⁸. П. Н. Шульц в это время занимал активную гражданскую позицию, в 1921 и 1922 гг. избирался членом академического правительства университета, председателем ячейки правительства на ЛХО ФОН. Несмотря на происхождение, его общественно-политические взгляды были далеко не реакционными, о своем отношении к власти он писал: «Будучи целиком поглощенным научными интересами и учебной работой и не обладая достаточной политической подготовкой, не считаю себя вправе иметь определенное суждение о партии, но во всяком случае считаю РКП(б) единственной возможной и приемлемой партией в настоящий момент. Поскольку приходилось сталкиваться, мне симпатичны некоторые [идеи] «смено-веховцев» и анархистов. Отношение к Советской власти: во многом преклоняюсь перед Советской властью, но не закрываю глаза на ее отрицательные стороны. Считаю единственно возможной и приемлемой властью в России в настоящее время» [там же, л. 45–46].

Облегчить трудное материальное положение студенчества 1920-х гг. могла стипендия. Однако круг ее получателей был чрезвычайно узок, и, согласно декрету 2 августа 1918 г., преимущество в наделении стипендий предоставлялось выходцам из «среды пролетариата и беднейшего крестьянства». Впрочем, побороться за право получения выплаты мог каждый. Решительную, хотя и не первую попытку, предпринимал и П. Н. Шульц, обратившийся 21 сентября 1922 г. в Комиссию по зачислению стипендий Петроградского университета. Неизвестно, удалось ли ему добиться успеха, но материалы заявления раскрывают любопытные подробности личной судьбы П. Н. Шульца в это время (Приложение 2). К заявлению прилагались отзывы научных наставников – Б. В. Фармаковского, Д. А. Шмидта и О. Ф. Вальдгауэра, высоко оценивших способности своего ученика (Приложение 3).

Несмотря на трудности студенческих лет, П. Н. Шульц сформировался в профессиональном отношении как разноплановый специалист по истории древнего и современного искусства. Особенное внимание в его образовательной траектории оказалось сфокусировано на классической античной археологии, живописи и скульптуре. В одной из ранних автобиографий, в 1924 г. он писал о своих университетских штудиях:

⁸ В условиях гиперинфляции этого едва хватало на пропитание.

«Специальностью я избрал античное искусство и классическую археологию. Интересовался больше всего греческой скульптурой и римским портретом. Параллельно, для приобретения сведений по всему разрезу истории искусства, я занимался искусством и археологией Египта, Эгейским искусством, искусством и археологией Передней Азии, Византийским и Древнерусским, Средневековым и Новым Европейским искусством <...>

У О. Ф. Вальдгауэра мной пройдены следующие семинарские занятия: 1) по античной скульптуре (1920–21 год); по скульптуре Эрмитажа (1921–23 год, прочтено устное сообщение “Статуэтка Тихе в Эрмитаже”; по Римскому портрету (1923–24 год), прочтен доклад “Портрет и копии эпохи Антонинов”.

У проф. Б. В. Фармаковского пройдены следующие семинарии: 1) греческий классический рельеф (1921–22 год); 2) греческая скульптура (1921–22 год), прочтено доклад “Статуя Дельфийского Возницы”; 3) египетские города и храмы, прочтено доклад “Фарос Александрийский”.

По Новому Европейскому искусству я работал у проф. Д. А. Шмидта и принимал участие в следующих семинариях: 1) по голландской живописи (Рембрандт) (1921–22 год); 2) по фламандской живописи (Рубенс) (1922–23 год), сделано устное сообщение “Венера и Адонис Рубенса”.

По древнерусскому искусству я занимался у проф. Н. П. Сычева, у него я работал в следующих семинариях: 1) Древнерусские монументальные росписи (1922–23 год), остался неоконченным доклад “Композиция Нерушимой Стены и ее происхождение”; 2) Русская икона (1923–24 год), прочтено доклад “Икона Спас Мокрые Брада в Русском музее”.

По искусству Египта я вел занятия под руководством Н. Д. Флиттнер, по Эгейскому искусству под руководством М. И. Максимова» [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 7, л. 4–5].

18 сентября 1923 г. П. Н. Шульц получил свидетельство об окончании ЛХО ФОН Петроградского университета с отметками об исключительно высоких успехах в освоенных дисциплинах (рис. 3).

Студенческие годы многих будущих коллег П. Н. Шульца схожи. Почти идентичным оказался путь в Университет А. А. Иессена: в 1918 г. первая попытка начать учебу в Петроградском университете, нужда и подработка отвлекали от занятий, в 1919 г. призван в ряды Красной армии, демобилизовался и вернулся на ФОН лишь в 1922 г. [2, с. 163]. Г. Д. Белов в 1920 г. смог поступить в Педагогический институт им. Некрасова, а только в 1921 г. перешел на ФОН в Петроградском университете [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 5, д. 358, л. 3]. Учебу вынужденно совмещал с преподаванием в школе, а после окончания обучения в 1924 г. охотно согласился уехать из Петрограда в Севастополь [8, с. 299]. Г. В. Подгаецкий, будущий известный специалист по археологии эпохи бронзы, в годы обучения в Ленинградском университете подготовил дипломную работу «Вооружение причерноморских скифов». Обучение давалось нелегко: имея дворянское происхождение, должен был учиться на платной основе. Неоднократно просил об освобождении от платы как безработный и происходивший из многодетной семьи [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 10, д. 564, л. 29]. Начала высшего образования М. К. Каргер получал в Самарском государственном университете. Одновременно приходилось зарабатывать на жизнь. Но когда к этим трудностям добавился ужасный голод в Поволжье в 1922 г., будущий ученый вынужденно перевелся в Петроградский университет. Это оказалось возможным благодаря тому, что отец М. К. Каргера, как и у П. Н. Шульца, занимался преподавательской работой [21, с. 26].

А. Н. Карасеву достаточно поздно довелось начать обучение в Университете. С 1919 г. больше пяти лет он по собственному желанию провел в рядах Красной армии. Будучи призванным на срочную службу в 1924 г., в январе 1925 г. поступил на факультет языкоznания и материальной культуры Ленинградского университета [11, с. 236]. Совмещение армейской службы и студенческой скамьи кажется по современным представлениям невероятным. И тем не менее, А. Н. Карасеву это удалось. Более того, он даже пытался добиться разрешения на отпуск для участия в раскопках. В мае 1925 г. обращался к руководству факультета: «Занимаясь в семинарии по изучению Херсонеса у проф. [К. Э.] Гриневича и как участник семинария, я должен участвовать в раскопках в Херсонесе. Мне как занимающе-

муся на Восточно-Классическом цикле и желающему специализироваться по Югу России, присутствие на раскопках является необходимым. Но так как в настоящее время я служу в Красной Армии красноармейцем, то разрешение на поездку зависит от Командира отряда, поэтому я убедительно прошу Вас о ходатайстве перед ком. отряда». И действительно, в адрес командования части, в которой проходил службу А. Н. Карасев, было направлено обращение: «Правление Ун-та, принимая во внимание его отличные успехи, прилежание в научных занятиях и большую академическую активность, в заседании своем от 14 мая сего года, постановило ходатайствовать перед Вами, тов. Командир о предоставлении тов. Каравесу разрешения на упомянутую поездку для участия в практических работах в летнее время (с 15 июня по 15 июля) дабы тем самым не прерывать начатые им академические работы, что крайне неблагоприятно отразится на его дальней подготовке к получению зачетов и вызовет лишнюю потерю времени в Ун-те» [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 8, д. 237, л. 7–8]. Несколько известно, поучаствовать в экспедиции К. Э. Гриневича в 1925 г. А. Н. Каравесу все же не удалось. Спустя год он демобилизовался, но не окончил университет «из-за несогласия с программой и постановкой преподавания», в 1928 г. продолжил свое становление в качестве практиканта ГАИМК под руководством Б. В. Фармаковского [11, с. 237]. Относительно благополучны оказались годы студенчества М. И. Артамонова, Е. И. Леви, В. Ф. Гайдукевича, Т. Н. Книпович. Впрочем, так можно утверждать, опираясь на опубликованные подробности их биографий. Даже К. М. Колобовой, дочери священника, удалось без конфликтов с новой властью получить высшее образование. Думается, помогло и то, что получила она его в Баку, далеком от революционного Петрограда.

Аспирантура П. Н. Шульца. В российской дореволюционной высшей школе применялась практика оставления при университете для подготовки к профессорскому званию. «Оставленный» защищал диссертационное исследование и получал степень магистра или доктора наук [14, с. 146–147]. Декретом СНК РСФСР «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики» от 1 октября 1918 г. присвоение ученых степеней было отменено. Какое-то время в гуманитарной научной среде существовали старый принцип «оставления» и новый – подготовки кадров высшей квалификации в научно-исследовательских институтах [27, с. 177]. Последние создавались при факультетах общественных наук университетов (например, Институт истории при МГУ) и как самостоятельные организации (Институт красной профессуры). Целью таких учреждений было формирование специалистов-марксистов. Но довольно скоро наступило осознание необходимости большей определенности в деле пополнения научных кадров. Поэтому в середине 1920-х гг. утверждается институт аспирантуры. Рядом правительственный постановлений регламентировался порядок трехлетнего обучения, в процессе которого аспирант должен был подготовить диссертационное исследование, пройти необходимые экзаменационные испытания, продемонстрировать владение одним иностранным языком, по возможности ввести в научный оборот некоторые результаты своего труда [7, с. 15–16]. В масштабах страны ведущим центром подготовки марксистских кадров в археологии стала РАИМК/ГАИМК, где первый набор в аспирантуру состоялся в начале 1926 г.

На последних курсах университета П. Н. Шульц состоял в числе слушателей научных курсов при Российском институте истории искусств (далее – РИИИ), бывшем Зубовском институте. С лекциями здесь выступали именитые искусствоведы О. Ф. Вальдгауэр, Э. К. Липгардт, Д. А. Шмидт и другие [3, с. 130]. Учебные занятия рассматривались участниками как дополнительная возможность приобрести профессиональные навыки. Существовала прямая связь Петроградского университета и РИИИ. В ноябре 1923 г. академическое представительство студентов ЛХО ФОН подготовило докладную записку «К проекту изменений в учебном плане», в которой среди прочего подчеркивалась необходимость взаимодействия с РИИИ, где углубленное изучение искусства «проходится без фона общеобразовательной подготовки». Крайне желательной виделась возможность для обучающихся ЛХО самостоятельно формировать индивидуальный учебный план, в который бы включались занятия при РИИИ [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 6, л. 10]. Выпускник ЛХО П. Н. Шульц осенью 1923 г. защитил при РИИИ работу «Статуя Дельфийского Возницы», готовившуюся им еще в

студенческие годы под руководством О. Ф. Вальдгауэра [НА РАХ, ф. 7, оп. 3, д. 420, л. 19]. Выше приводился высокий отзыв об этом исследовании другого научного наставника – Б. В. Фармаковского (Приложение 3).

Поскольку РИИИ являлся научно-исследовательским центром, в результате успешной защиты П. Н. Шульц был зачислен научным сотрудником II категории (рис. 4). В таком статусе закреплялись оставленные для подготовки к исследовательской и преподавательской работе в учреждениях науки и высшего образования. В чем именно должна была заключаться такая подготовка, сегодня не до конца ясно. До середины 1920-х гг. четкой регламентации сроков и порядка работы сотрудников II категории не существовало [23, с. 25]. Думается, как и в случае Исторического института при Петроградском университете или историческом отделении РАНИОН, для поступившего в РИИИ оформлялась индивидуальная программа повышения квалификации [28, с. 60]. В течение 1923/1924 учебного года сотрудники II категории РИИИ являлись слушателями ряда семинаров, готовили индивидуальные научные работы. Отдельные источники позволяют утверждать, что содержание подготовки нередко определяли демократическим способом. В апреле 1924 г. сформировалось Бюро научных сотрудников II категории: «За осуществление этого объединения взялась инициативная группа, в состав которой вошли М. З. Крутиков, В. Ф. Миллер и я [П. Н. Шульц – Н.Ч.] из нашего разряда [изобразительных искусств] и из музыкального разряда был привлечен Г. П. Орлов». Со временем в бюро вошли представители всех разрядов Института⁹. В 1924 г. была предпринята неудачная попытка официального оформления положения Бюро путем утверждения устава в президиуме Института. Создание подобного объединения стало веянием эпохи колLECTIVизации управления в учреждениях науки и высшей школы. Участники Бюро недвусмысленно выделяли себя из среды Института: «Мы очень мало были связаны с администрацией Института и с Разрядом. Мы жили своей жизнью, своими интересами и своей работой. Корпорация научных сотрудников II разряда образовалась в Институте государство в государстве. Многим мы мешали, иногда казались лишними. Когда обстоятельства прижимали нас, мы шумели, на нас готовы были смотреть как на взбунтовавшихся пролетариев» [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 11, л. 8]. В своей деятельности Бюро пыталось влиять на формирование учебной программы: «Первое дело, за которое взялось бюро по поручению общего собрания, это – отсрочка и отмена 2 экзаменов – Дальнего и Мусульманского Востока. Это был первый вопрос, с которым мы выступили в Разряде и сразу же встретили со стороны Разряда резкий отпор». К теме отсрочки представители Бюро вернулись на следующем заседании Президиума Института и сумели добиться своего, хотя «тяготеющие нас свой ненужностью 2 экзамена все же были оставлены» [там же, л. 4].

Применить теоретические познания на практике научные сотрудники II категории смогли в рамках масштабной программы РИИИ по изучению, сохранению и музеефикации памятников дворцовой архитектуры в пригородах Петрограда. Летом 1924 г. после окончания лекционных и семинарских занятий для начинающих искусствоведов руководством Института во взаимодействии с Бюро была организована серия дальних поездок в Псков, Старую Ладогу, Москву и Киев, задачей которых являлось не только ознакомление с объектами прошлого, но и практика проведения экскурсий: «Значение этих экскурсий велико. Помимо того, что они сплотили наших сотрудников и связали их со слушателями, они позволили нам завязать связь с местами» [там же, л. 5]. Во второй половине лета сотрудников II разряда ожидала работа в пригородах Петрограда: для двоих она проходила в Гатчине, одиннадцать, включая П. Н. Шульца, отправились в Петергоф¹⁰. Распределение практикантов осуществлялось таким образом, чтобы каждый самостоятельно осуществил порученные задания на базе одного дворца или павильона. Помимо хозяйствственно-административной работы в число обязанностей входили: 1) проверка имущества по старым дореволюционным описям; 2) восстановление убранства времени создания конкретного дворца или павильона; 3) составление новых описей. Так, во дворце «Коттедж» занимались Е. Ю. Фехнер и М. А. Крив-

⁹ Факультеты РИИИ с 1921 года стали называться разрядами, а с 1926 года – отделами [19, с. 14]. В это время действовали разряды изобразительного искусства, музыки, словесности и театра.

¹⁰ Подробнее об этой практике и ее участниках по материалам архивов Санкт-Петербурга: [4].

цова (с 15 апреля по 15 сентября) и А. А. Передольская (с 6 августа по 1 октября), последняя также оформила описание Ольгинской половины в Большом дворце (с 1 июля по 1 августа); для П. Н. Шульца практика проходила в изучении садовой скульптуры Петергофа (с 1 августа по 15 сентября), а затем в усадьбе Лейхтенбергских (с 15 сентября по 1 октября); Е. А. Тарковская работала в Монплезире, Марли и Эрмитаже (с 15 июля по 1 октября), Р. А. Сабинина составляла описание портретов Большого Дворца, зала Ротари (с 1 августа по 15 сентября), В. Н. Кнохе восстановила павильоны в Царицыне и на Ольгином острове; Н. Н. Базырина обустроила экспозицию Собственной дачи; М. З. Крутиков обследовал и музеефицировал Розовый павильон, Никольский домик и Бельведер, Е. Н. Грицкевич достался Нижний дворец, наконец, Т. И. Лапина занималась описью в Фермерском дворце. В Отчете о летней практике в Петергофских Дворцах-Музеях отмечалось: «...вчера работа по приведению Петергофских дворцов-музеев в порядок в значительной мере проделана». На время практики пришлось осеннее наводнение и сотрудники РИИИ приняли деятельное участие в спасении и охране объектов дворцов-музеев: «Е. Н. Грицкевич спасала мебель вестибюля из воды; сотрудники Фехнер, Кривцова и Тартаковская вместе с начальником милиции и пожарными вброд перебрались в затопленный Монплезир и оказали первую помощь затопленным историческим предметам. Составили акт о повреждении и организовали первую охрану, которую помимо сторожей несли Базырина, Лапина, Кнохе и Сабинина¹¹. В следующие дни сотрудники приняли участие как в охране, так и по просушке Эрмитажа, Марли, Монплезира и Нижнего дворца» [там же, л. 16–18].

Результаты деятельности сотрудников РИИИ в изучении дворцовых памятников Петергофа рассматривались его участниками как исключительно успешные: «Это лето для Института было порывом свежего ветра. В нем есть искры, которые в дальнейшем дадут богатые всходы». Вместе с тем, «...после лета приходит осень». С окончанием практики сотрудники II категории возвращались в стены Института по-прежнему без определенного статуса. Их труд рассматривался как деятельность «лиц свободной профессии». Официально они не были оформлены в штате Института, а значит не могли претендовать на оплату своего труда. В этой ситуации в сентябре 1924 г. Бюро настояло перед Президиумом на создании комиссии по оформлению положения сотрудников II категории. В ее состав вошли В. П. Зубов, Казанский и В. А. Лебедев. Комиссии удалось подать в Наркомпрос РСФСР проект декрета, который бы регламентировал положение внештатных сотрудников. Впрочем, его судьба неясна. Одновременно представители бюро обратились в Ленинградское отделение Главнауки: «Зная тяжелые отношения Института с отд. Главнауки в Ленинграде [секретарь отделения] Баскин предложил нам держать твердую деловую связь с Москвой. Говорил о том, что считал бы крайне важным предоставление хотя бы минимального количества штатных мест в Институте для научных сотрудников II кат., о чем рекомендовал поднять вопрос в Институте. Говорил он о том, что центральное внимание сейчас в Москве лежит на молодых силах, что от настроения этих молодых сил зависит будущее Института, что Москва склонна смотреть на Институт как на резерв молодых искусствоведов и музееведов и что необходимо с местным отделением и с Москвой на этой почве затеять организованную связь». Общие заверения ленинградского отделения Главнауки не помогали делу [там же, л. 18–19].

При неблагоприятных внешних условиях молодежью РИИИ были организованы практические объединения: Секция лабораторных исследований по искусству (возглавить которую пригласили М. В. Фармаковского) и Секция социологии искусства. В Отчете о деятельности бюро научных сотрудников второй категории говорилось: «Мы откровенно заявляем: “Нами проделана большая работа, а во всякой большой работе неизбежны ошибки. Мы их охотно за собой признаем. Работать нам пришлось в трудных условиях. Извините – нам не доверили. Изнутри нас мало замечали, и не всегда с нами считались. Быть может, в этом мы виноваты сами”» [там же, л. 5]. Представители бюро настаивали на том, что кроме моральной связи Института и сотрудников 2 категории, в их отношениях должна появиться материальная и юридическая составляющая, «и тогда, быть может, отпадет надобность в существовании особого органа научных сотрудников 2 категории». Для этого требовались благоприятные

¹¹ Любопытно, что среди участников спасения и охраны названы лишь сотрудники-женщины.

административные изменения. В то время как отношение советской власти к учреждениям высшего образования и науки в 1920-е гг. нельзя назвать доверительным. Едва ли следовало ожидать поддержки Института, основанного до революции и возглавляемого потомственным дворянином. Несмотря на попытки сохранить РИИИ руководством страны (его деятельность признавалась полезной даже наркому образованием А. В. Луначарским [24, с. 61]), смену руководства (в 1925 г. новым директором становится Ф. И. Шмит), изменение содержательной стороны работы (одним из ключевых направлений исследований становится социология искусства), даже перемена в названии (место слова «Российского» в 1925 г. занимает «Государственный»), Институт продолжал восприниматься как ядро старорежимной интеллигенции, противников революции. Как отмечали сами сотрудники Института: «В “зубовцах не хотели видеть серьезных работников”» ни представители Главнауки Наркомпроса, ни музейные деятели, ни экскурсанты [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 11, л. 6]. В связи с необходимостью существования Институт начинает поиски новой цели своей деятельности, в которой, помимо социологических разработок разнообразных аспектов культуры и искусства, значительное место во второй половине 1920-х гг. занимает марксистская критика. Во всем этом археологии находилось мало места. Должно быть, П. Н. Шульц ощущал отсутствие перспектив персонального научного роста. И хотя его активная вовлеченность в работу музеяного цикла секции социологии искусства ГИИИ продолжилась в 1925–1926 гг., профессиональное становление он продолжил в другом учреждении.

В декабре 1925 г. в РАИМК объявили о наборе в аспирантуру. Известно, что в число первых штатных обучающихся попали М. И. Артамонов, В. А. Богусевич, А. А. Иессен, С. Н. Замятнин, М. И. Nikolaeva, М. Г. Худяков, П. Н. Шульц (рис. 5) и «за счет другого учреждения»¹² Е. И. Леви [14, с. 186]. В 1926–1928 гг. аспирантами Академии также стали Л. А. Динцес, Н. Н. Воронин и Г. Ф. Корзухина-Воронина. В настоящее время еще многое неясного в том, как проходил прием в аспирантуру, каким образом выстраивалась образовательная программа, какие ставились требования к результатам работы обучающихся и другие аспекты этого раннего этапа существования института подготовки будущих специалистов-археологов при ГАИМК. Представляется, что относительно цельное впечатление удастся сложить только после привлечения с одной стороны достаточной организационной документации РАИМК/ГАИМК, а с другой – личных материалов всех или хотя бы большинства первых аспирантов. Нам известна лишь одна специальная работа, посвященная раннему периоду биографии С. Н. Замятнина [15]. В другом исследовании привлечены некоторые документы времени обучения П. Н. Шульца [27, с. 181]. Примечательно, что представления об аспирантуре ГАИМК в этих двух работах расходятся в принципиальных точках. В случае с П. Н. Шульцем оказывается, что становление системы подготовки «проходило во многом стихийно», «отсутствовали четкие представления об обязанностях аспирантов и задачах аспирантуры», программы не включали изучение иностранных и древних языков, обучающиеся, перегруженные общественной работой¹³, нередко теряли интерес, не успевали подготовить итоговое сочинение [27, с. 181–182]. В то же время, С. Н. Замятнин пришел в аспирантуру с заранее подготовленной программой обучения, последовательно осваивал

¹² Неясно, за счет какого. Сама Е. И. Леви в автобиографии в 1929 г. объясняла, что после окончания университета в 1924 г. была направлена в качестве практикантки в РАИМК к Б. В. Фармаковскому. С 1925 по 1927 гг. (время начала аспирантуры) работала в музее Академии художеств [НА ИИМК РАН РО, ф. 2, оп. 3, д. 48, л. 3–5]. Логично предположить, что на обучение Е. И. Леви была направлена именно от Академии.

¹³ Трудно согласиться с мнением автора о том, что общественная работа П. Н. Шульца в системе Пролеткульт и ИЗО-самодеятельности, взаимодействие с краеведческим движением была вынужденной. Судя по значительному корпусу источников, отложившемуся в личном фонде ученого в научном архиве Института археологии Крыма РАН, эта сторона деятельности, скорее, наоборот являлась искренним и большим увлечением. Первая запись трудовой книжки П. Н. Шульца: «Заведующий ИЗО-мастерской Ржевского Пролеткульта». Вплоть до середины 1960-х гг. в его творческой работе важное место занимало содействие развитию советского искусства. Что же касается сотрудничества с ржевскими краеведами, такой факт не кажется удивительным в свете первых самостоятельных археологических исследований, проведенных П. Н. Шульцем в районе Тверского Верхневолжья в 1924–1927 гг. Таким образом, пример П. Н. Шульца нельзя считать удачным в доказательстве общественной загруженности аспирантов ГАИМК.

учебную нагрузку (совмещая ее с полевыми изысканиями), участвовал в семинарии по методологии марксизма, практикуме по фотографии и музейной работе, «её обязательным компонентом было изучение иностранных языков, которое в данном случае предполагало чтение и анализ иностранной литературы по теме» [15, с. 185]. Другой аспирант, А. А. Иессен, при поступлении также представил план будущей квалификационной работы, был закреплен за научным руководителем А. А. Миллером, принимал активное участие в полевых исследованиях последнего [2, с. 164]. П. Н. Шульц, С. Н. Замятнин и А. А. Иессен учились вместе, поэтому больших отличий в условиях их аспирантуры быть не может.

По-видимому, истину необходимо искать посередине. Становление института аспирантуры при РАИМК/ГАИМК – важный и практически неизученный аспект. Имеются основания полагать, что в известной мере руководство Академии оказалось неготовым осуществлять подготовку новых специалистов. Следует подчеркнуть: РАИМК/ГАИМК со времени своего создания не мыслилась как образовательное учреждение, таким не служила и её дареволюционная предшественница – Императорская Археологическая комиссия. И хотя в штате Академии было немало специалистов с богатой практикой преподавания в высшей школе, лишь немногие имели опыт администрирования в образовательной сфере. Думается, эффективные модели учебного процесса нередко достигались путем компромиссов между научными наставниками и их учениками. Своевременными оказались характерные для второй половины 1920-х гг. инициативы организации в ведущих образовательных учреждениях страны коллективных форм управления. В таких условиях в ГАИМК начало работу Бюро по подготовке аспирантов. Вслед за решением заседания РАНИОН от 16 декабря 1927 г. правление ГАИМК 2 января 1928 г. утвердило организацию такого Бюро, в которое от аспирантов были избраны С. Н. Замятнин и П. Н. Шульц, от научных сотрудников А. А. Миллер и Н. П. Сычев. Последний подчеркивал: «Бюро является органом академического характера, а одной из ближайших задач бюро является обсуждение вопроса о порядке и формах представления аспирантами научно-исследовательских отчетных работ» [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 3, л. 16].

Главным образом, Академия истории материальной культуры являлась крупным исследовательским центром. В то время как перед учреждением постоянно возникала необходимость организации археологических работ на всей территории РСФСР, в середине – второй половине 1920-х гг. его научный состав нельзя было назвать обширным. Восполнить недостаток специалистов удавалось за счет обучающихся аспирантуры, чьи частые служебные командировки отражают широкий спектр направлений исследований Академии. С одной стороны, аспиранты получали значительный опыт практической работы. В то же время, формировались коммуникации и формы взаимодействия обучающихся и их наставников, которые нельзя характеризовать в понятиях подчиненности или иерархии. Представляется, что их взаимодействие протекало «на равных»: старшие сотрудники воспринимали молодых как коллег. Это проявилось в активной вовлеченности обучающихся в экспедиционные исследования своих руководителей. Так, П. Н. Шульц в 1924–1927 гг. принимал участие в Верхневолжской палеоэтнологической экспедиции Д. А. Золотарева, в 1928 г. – в Северо-Кавказской экспедиции А. А. Миллера, в 1928–1929 гг. обследует памятники Гдовского и Лужского уездов Ленинградской губернии, в то же время является деятельным сотрудником Ольвийской экспедиции Б. В. Фармаковского. Похожий географический разброс наблюдался в ранней биографии А. А. Иессена (Нахичеванская, Северо-Кавказская и Таманская экспедиции А. А. Миллера (1926 – начало 1930-х гг.)), Волго-Донская экспедиция (1929 г.) [2, с. 164] и М. И. Артамонова (Верхневолжская палеоэтнологическая (1922 г.), Северо-Кавказская экспедиции).

Важной задачей организованной при ГАИМК аспирантуры стало формирование марксистских кадров. По имеющимся данным, большинство (если не все) аспирантов конца 1920-х гг. являлись активными участниками специального марксистского семинария. О серьезной значимости этого курса для его слушателей сообщает любопытный пассаж из письма П. Н. Шульца к жене от 11 октября 1929 г.: «У нас в Академии неожиданное событие. Сняли с преподавания Плотникова и посадили на его место [Ф. В.] Кипарисова. Разгон нашего

марксистского семинария очень взволновал аспирантов. Кипарисов, по-видимому, не знает, что с нами делать. Он предложил нам читать вместе с ним глава за главой Маркса. Мне при этом вспомнился Михаил Федорович Болтенко. Когда Михаил Илларионович [Артамонов] попытался пожелать, чтобы занятия велись иным путем, Кипарисов грозно заметил: «Ах так, значит, Вы не хотите изучать Маркса.» Вчера Кипарисов открыл свой парт-марксистский семинарий. Было свыше 150 человек. Пришли [Н. П.] Лихачев, [Д. В.] Айналов и др. В президиум семинария среди других избран Г. О. Боровка. Секретарь Марья Александровна [Тиханова]. Кипарисов торжествует, что в семинарии и во главе его такие силы. Мы с Плотниковым думаем организовать в Институте марксизма секцию материальной культуры и продолжить там свои занятия. С Плотниковым поступили по-свински. Ему даже не сообщили о том, что он выставлен. Говорят, что это все сделала Вера Андреевна [Миханкова]» [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 2, т. 4, д. 16, л. 12]. В семинарии обсуждались проблемы использования марксистско-ленинского подхода к изучению конкретных вопросов истории материальной культуры. Личные научные интересы аспирантов приобретали правильное идеологическое выражение. Известны названия и краткие тезисы докладов П. Н. Шульца, позволяющие судить о развитии персональной исследовательской траектории на момент последнего года обучения в аспирантуре. В 1929 г. им были сделаны сообщения «Борьба классов и художественных течений в императорском Риме», «О некоторых провинциальных течениях в римской портретной скульптуре», «Некоторые наблюдения над портретной скульптурой Причерноморских музеев» и «Портретная скульптура эпохи Антонинов» [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 4, д. 6, л. 4, 7–10].

Если в первый год существования аспирантуры при ГАИМК действительно могли иметь место определенные изъяны – на это в своем отчете 1926–1927 гг., в частности, сетует П. Н. Шульц [27, с. 181], его же отчет следующего года лишен критики организационной составляющей обучения. Среди прочего отмечался выбор конкретной специализации: «Естественно, что главное внимание я уделил изучению культуры греко-римских колоний Северного Побережья Черного моря, в частности Ольвии. При изучении материальной культуры Ольвии, Херсонеса, Пантикопея меня, прежде всего, интересовал вопрос взаимоотношения и взаимодействия между импортной завозной и туземной культурой. Это взаимодействие с чрезвычайной яркостью прослеживается на местном Ольвийском керамическом производстве, изучению которого я уделил специальное внимание» [5, с. 26]. Увлечение не было случайным. Во все времена в становлении молодого специалиста ключевое значение имел научный наставник. В ходе ученого формирования П. Н. Шульца таких было два. В 1926 г. П. Н. Шульц впервые попал на раскопки Ольвии, единственный и последний раз работал в поле под непосредственным руководством Б. В. Фармаковского. Здесь он прошел высококлассную школу практической археологии и продолжил оттачивание навыков в последующие годы, но уже в другой обстановке. Как известно, с 1927 г. управлением Ольвийской экспедиции занимался Ученый совет. Летом 1928 г. вся советская античная археология понесла большую потерю – Б. В. Фармаковский ушел из жизни. П. Н. Шульц лишился своего руководителя. Эта перемена, безусловно, повлияла на линию профессионального развития молодого археолога. Вместе с тем, еще до аспирантуры в ГАИМК, два года он работал¹⁴ в Отделе древностей Государственного Эрмитажа, под началом О. Ф. Вальдагуэра занимался искусствоведческими изысканиями. Результаты наставничества выразились в том, что к времени окончания своего обучения в аспирантуре П. Н. Шульц готовил именно искусствоведческое исследование. В 1929 г. из печати вышли два сборника научных работ: «Античный портрет», приуроченный к 25-летию научной деятельности О. Ф. Вальдагуэра и «Сборник», подготовленный Бюро по делам аспирантов ГАИМК [12]. Среда авторов последнего были преимущественно ученики А. А. Миллера (А. А. Иессен, М. И. Артамонов) и Н. П. Сычева (Л. А. Динцес, Г. Ф. Корзухина-Воронина, Н. Н. Воронин, В. А. Богусевич). В то время как итоговое сочинение П. Н. Шульца оказалось помещено на страницах юбилейного сборника

¹⁴ Уход по собственному желанию не мотивирован ни в одной известной автобиографии П. Н. Шульца. Вероятно, главной причиной оказалось стремление получить высшую квалификацию. Как известно, Эрмитаж не готовил аспирантов.

в честь О. Ф. Вальдгауэра и называлось «Одно из течений в портретной скульптуре Антониновской эпохи» [35].

Все вышесказанное убеждает в том, что П. Н. Шульц в 1920-е гг. целенаправленно формировался как историк искусства. В пользу этого свидетельствует четкая образовательная траектория: выбор литературно-художественного отделения ФОН Петроградского университета, опыт приобретения высшей квалификации в РИИИ, два года службы в Эрмитаже, наконец, итоговое сочинение в аспирантуре ГАИМК. Выяснение этой истины немаловажно в контексте общего понимания дальнейшей научной карьеры ученого. Искусствоведческая специализация в 1920-е гг. объясняет увлечение П. Н. Шульца в 1930-е гг. проблематикой скифо-сарматской монументальной скульптуры, а затем постепенное переключение на преемственную тему образования скифского государства в Крыму, блестящее разработанную им в 1940–1950-е гг.¹⁵ Неудивительным покажется факт: 17 из 52 известных печатных работ П. Н. Шульца имеют сугубо искусствоведческую направленность. Эти выводы ни в коей мере не умаляют значимости вклада ученого в археологию. Просто это другая страница его деятельности.

***

В заключение хотелось бы опубликовать строки письма отца П. Н. Шульца Николая Павловича, в которых так емко и рельефно охарактеризованы первые четверть века жизни сына: «5/18 октября 1926 г.

Лызлово. Ржев. Советская ул., 28.
Мильный Павлуша

Поздравляю Тебя с наступающим днем $\frac{1}{4}$ векового юбилея Твоего существования на свете. Кажется Тебе можно пожелать в дальнейшей жизни такой же счастливой обстановки и такой же удачи, какими Ты пользовался до сих пор; так как несмотря на довольно трудную и тяжелую эпоху, в которую Тебе пришлось начинать свою деятельность, несмотря на Твои болезни, которые служили известным тормозом, задерживающим нормальное течение твоей жизни, а главное, служащие постоянной угрозой, Ты кажется был доволен своей судьбой, умел достигнуть того, чего хочешь, и удовлетворялся той обстановкой, в которой Тебе приходилось жить, несмотря на известные беспорядки и лишения. Да и правда Тебе пришлось вырасти в светлой семейной обстановке, где все члены были связаны взаимной дружбой и любовью, что теперь нечасто встречается; найти себе род деятельности, который соответствует вполне Твоим силам, способностям и вкусам, и в общем приятный той обстановке, в которой приходится работать, что сейчас еще реже достигается; и, наконец, нашел человека¹⁶, с которым Ты связал свою жизнь. О результатах этого шага сейчас еще с уверенностью судить трудно, но от него зависит главным образом Твое дальнейшее счастье. Потому, прежде всего желаю Тебе и Люссе здоровья и семейного счастья; в успехе Твоей научной деятельности я почти не сомневаюсь, хотя, по правде, и не жду от нее чего-нибудь особенно ценного; что же касается материального благосостояния, то при наличии всего прочего, оно имеет второстепенное значение, и, при наличии Вашего благородства, оно скоро достигнет известного необходимого минимума, а максимума оно все равно не достигнет, так как ни в Ваших личных качествах, ни в той обстановке, в которой Вам приходится жить и работать, для этого никаких решительно данных» [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 2, т. 1, д. 63, л. 21].

---

¹⁵ В 1934 г. в ГАИМК П. Н. Шульц защитил работу «Монументальная скульптура скифо-сарматского общества», в которой предметы искусства рассматривались как специфический источник реконструкции социально-экономических процессов в Северном Причерноморье в раннем железном веке. Отдельные выводы натолкнули ученого на мысль о возможности применения такой методики в изучении вопроса о генезисе скифского государства в Крыму.

¹⁶ В 1925 г. П. Н. Шульц женился на В. А. Головкиной (1903–1993).

Приложение 1

[ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 2, д. 4048, л. 42]

Приложение к свидетельству об окончании училища

Успѣхи его следующіе

Въ Законѣ Божіемъ

“ русскомъ языкѣ и словесности	Пять (5)
“ французскомъ языкѣ	Пять (5)
“ нѣмецкомъ языкѣ	Пять (5)
“ англійскомъ языкѣ	—
“ исторіи	Пять (5)
“ географіи	Четыре (4)
“ математикѣ, а именно:	
въ арифметикѣ	Четыре (4)
“ алгебрѣ	Четыре (4)
“ геометріи	Четыре (4)
“ тригонометріи	Четыре (4)
“ аналитической геометріи и анализѣ	—
“ естествовѣдѣніи	Пять (5)
“ физикѣ	Четыре (4)
“ химіи	Пять (5)
“ космографії	Пять (5)
“ коммерческой арифметикѣ	Четыре (4)
“ бухгалтеріи	Четыре (4)
“ коммерческой корреспонденціи	—
“ политической экономіи	—
“ законоведеніи	Четыре (4)
“ товароведеніи	—
“ коммерческой географіи	—
“ рисованій, черченій и лѣпкѣ	Пять (5)
“ психологіи	Пять (5)
“ латинскомъ языкѣ	Четыре (4)

Сверхъ того обучался пению, ручному труду и физическими упражненіямъ

Приложение 2

[ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 2, д. 4048, л. 44–44 об.]

«Заявление

Ввиду того, что сколько мне представляется, я целиком подхожу под нормы для зачисления на стипендии установленные Главпрофбром (п 7 пункт в) убедительно прошу стипендиальную комиссию пересмотреть мою анкету и зачислить меня на стипендию по университету.

Как указано в анкете, родители мои живут в провинции, где отец учительствует и разумеется не имеет достаточных средств, чтобы помочь мне. Приехав в Петроград, я сразу же всецело был предоставлен самому себе. Средства я изыскивал до последних месяцев государственным снабжением и отчасти грузкой в порту. Ныне, не имея поддержки от государства, я нахожусь в безвыходно тяжелом материальном положении. Грузка пагубно отразилась на занятиях и здоровье, не является постоянным средством заработка и всегда может прекратиться на зиму.

Комиссией по перерегистрации я зачислен на 3 курс и должен закончить университет к 1 июня 1923 г. Для окончания мне необходима напряженная экзаменационная работа. Должен заметить, что занятия в Университете я начал фактически лишь в октябре 1920 г. В 1918–1919 гг. мной работа в Университете почти не велась. Я имел лишь один семинарский зачет.

Фактически я кончу университет в три года. Что касается моей академической работы, я смело могу сказать, что являюсь одним из активнейших, если не самых активных студентов ЛХО. С первых же лет учебной работы я уяснил свои профессиональные интересы и призвание и уже третий год специализируюсь по кафедре древнего искусства под ближайшим руководством проф. Вальдгауэра О. Ф. и Б. В. Фармаковского.

Не ограничиваясь специализацией, я работаю по западно-европейскому искусству под руководством проф. Д. А. Шмидта. Под руководством проф. О. Ф. Вальдгауэра я пишу сочинение «Эволюция форм в античной сидящей статуе». По различным семинариям Университета мной написан ряд рефератов. Кроме того я веду и самостоятельные исследования, кавовые частично предполагаю доложить в кружке истории и теории искусств Университета, и готовлю к печати исследования о современном искусстве.

В случае надобности могу предоставить подробный отчет о своей академической работе, заверенной профессорами. Все изложенное заставляет меня вторично обращаться с просьбой о предоставлении стипендии.

Отказ в поддержке помимо безвыходного материального кризиса не позволит мне к сроку закончить Университет, что грозит исключением и полным крушением моих планов на будущее. Зачисление на стипендию позволит к сроку выполнить возложенные на меня требования и уже целиком отдаваться применению моих сил и знаний в научном строительстве Государства».

Приложение 3

[ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 2, д. 4048, л. 47–49]

Отзывы научных наставников П.Н. Шульца

Студент П. Н. Шульц все время учебы работает под моим руководством, изучает античное искусство. Им выполнена большая работа о дельфийской статуе «Возницы», – очень важном памятнике, бросающем свет на всю эпоху около 460 г. до р. Хр. Ныне П. Н. Шульц выполняет работу по этрусскому искусству и по древностям Александрии (вопрос об архитектуре «Фароса» и влияние ее в архитектуре башнеобразных сооружений последующих эпох. П. Н. Шульц в высокой степени усердный и талантливый работник и принадлежит к тому ряду слушателей, которых можно считать повышенной активности. Возможность П. Н. Шульцу заниматься, представляется с назначением ему стипендии, так как из него, вне сомнений, вырастет видный деятель в области истории искусств.

27.11.1922. Б. В. Фармаковский.

Сим удостоверяю, что студент Петроградского Университета приема 1918 г. Павел Николаевич Шульц занимался под моим руководством по истории западно-европейского искусства в течение 1921/22 ак. года и продолжает эти занятия в текущем ак. году, причем, проявляя большое усердие и обнаружил весьма удовлетворительные успехи, что свидетельствует о том, что он подает нерядовые надежды для будущего и что ему следует всякого рода поощрение и поддержку, как в научном, так и в материальном положении.

20.11.1922. Д. А. Шмидт.

Студент Павел Николаевич Шульц занимался под моим руководством в течение двух лет и обнаружил не только выдающиеся способности, но и усердие в занятиях. Представленные им работы, как и «Дельфийская Возница» и др. после некоторой переработки будут напечатаны и составят вклад в науку. Поэтому прошу не отказать в представлении П. Н. Шульцу стипендии.

08.11.1922. О. Ф. Вальдгауэр.

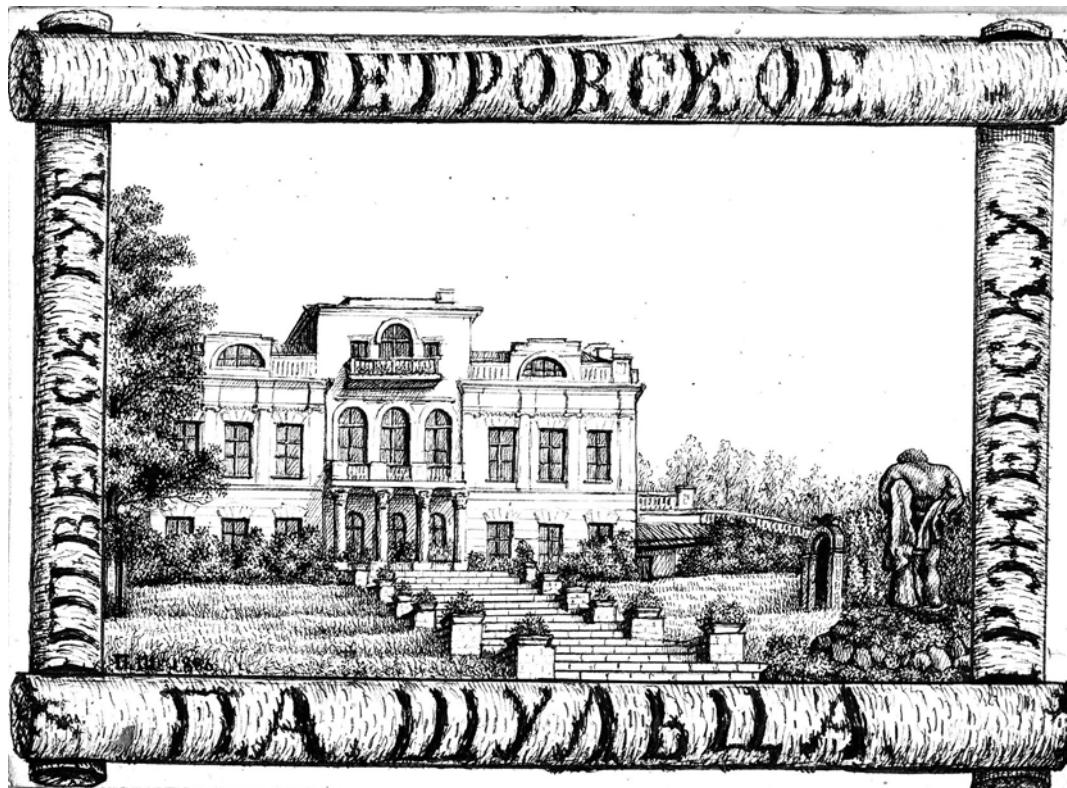

Рис. 1. Гравюра с изображением усадьбы семьи Шульцев в с. Петровское Ржевского уезда
[НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 3, л. 1]

Рис. 2. Фото П. Н. Шульца из личного дела
студента Петроградского университета
[ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 2, д. 4048, л. 1об.]

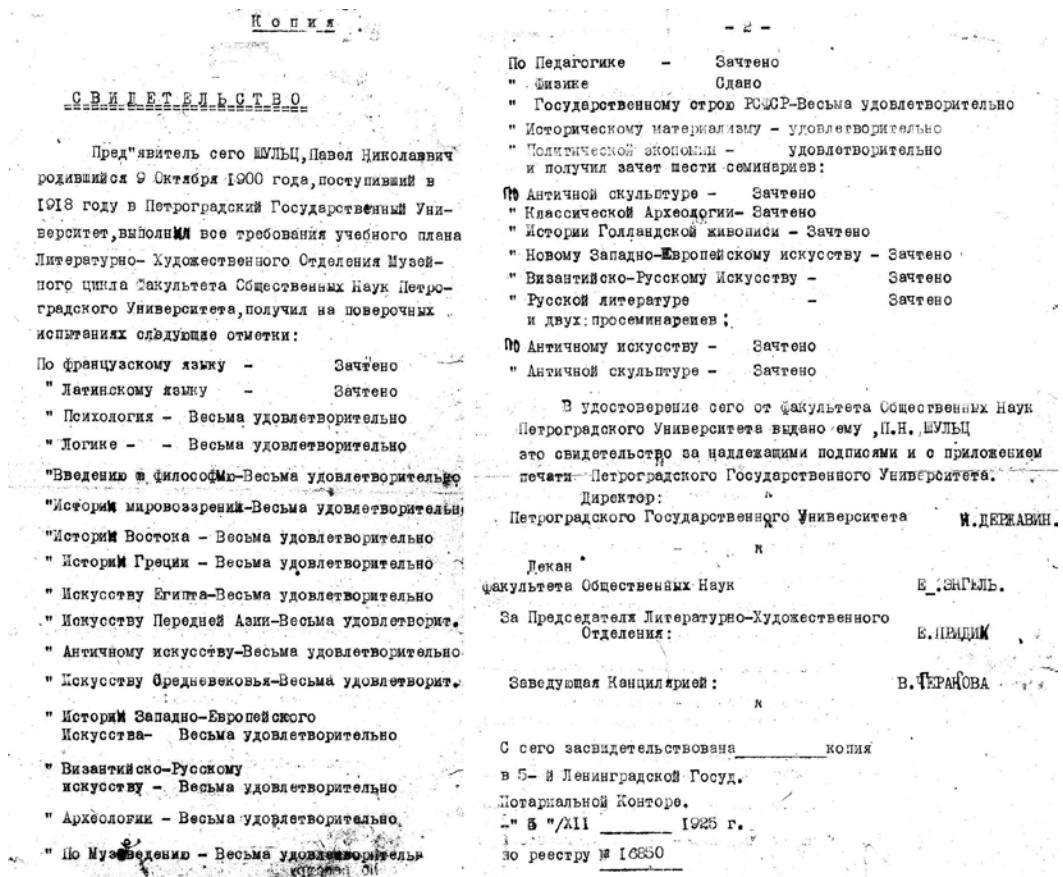

Рис. 3. Копия свидетельства П. Н. Шульца об окончании ЛХО ФОН Петроградского университета [НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 3, л. 12]

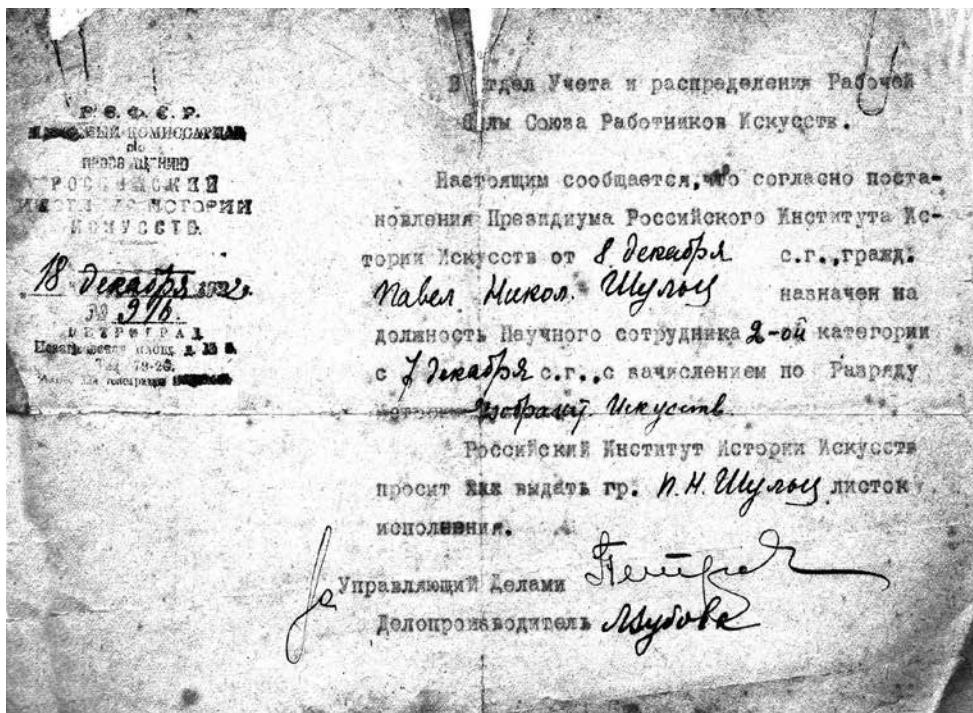

Рис. 4. Удостоверения П. Н. Шульца сотрудника II категории РИИИ
[НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 3, л. 16]

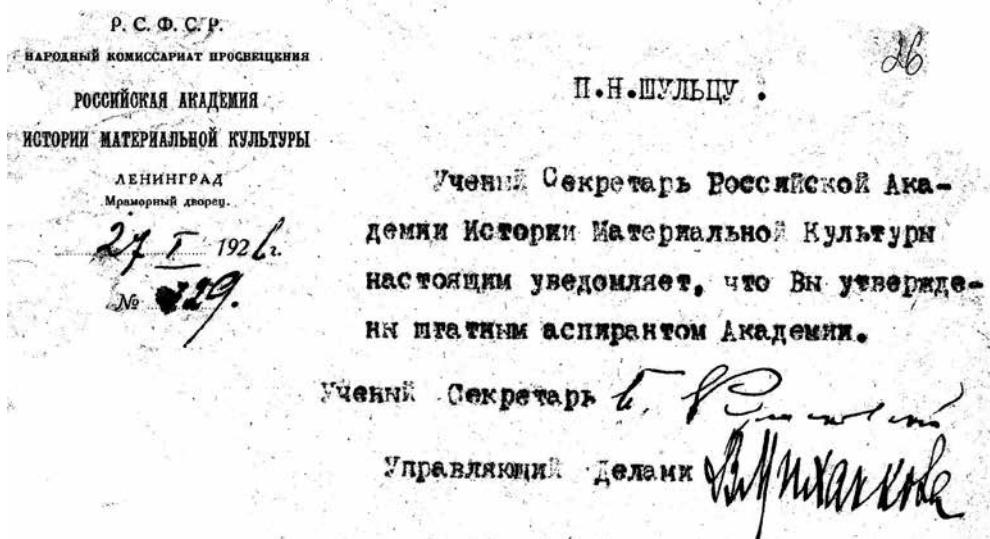

Рис. 5. Уведомление о принятии П. Н. Шульца в число штатных аспирантов РАИМК
[НА ИАК РАН, ф. Л-9, оп. 1, д. 3, л. 26]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 2 августа. Декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР // Проект, с подписью В.И. Ленина после утверждения в СНК; пометки: Н.П. Горбунова – редакция т. Покровского и другой рукой – пр. 170, п. 3. Архив, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 6798, л. 2. Декрет: Подлинник; пометка: Протокол 170, пункт 3-й. Архив, там же, л. 1. «Известия» № 166, 6 августа; «Собрание Узаконений» № 57, ст. 632; «Известия» № 165, 4 августа (сообщение). URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12389-2-avgusta-dekret-o-pravilah-priema-v-vysshie-uchebnye-zavedeniya-rsfsr#mode/inspect/page/4/zoom/4> (дата обращения 20.09.2025).
2. Алекшин В.А. А.А. Иессен – выдающийся исследователь древностей Кавказа // Записки ИИМК. 2017. № 16. С. 160–172.
3. Ананьев В.Г. Институт истории искусств и пригородные дворцы-музеи в 1920-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 3. С. 128–144.
4. Ананьев В.Г. «Барчуки из института Зубова» и «первое возрождение» Петергофа: К истории музейной практики Института истории искусств 1924 г. // Петербургский исторический журнал. 2018. № 2 (18). С. 231–241.
5. Чемодуров Н.Н., Власов В.П., Денисенко Н.Д. Античное поселение Варваровка I в Нижнем Побужье: материалы раскопок 1938–1939 гг. СПб., Симферополь: ИИМК РАН, Институт археологии Крыма РАН, 2023. 344 с. (Археологические памятники Северного Причерноморья).
6. Археологические разведки на полуострове Тарханкут / под ред. Т.Н. Смекаловой. Симферополь: Доля, 2010. 179 с.
7. Басюк В.С., Краснощеков Н.А. Особенности организации подготовки научных и научно-педагогических кадров в России: исторический опыт и современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2023. Т. 21, № 4. С. 7–42.
8. Беляев С.А. Памяти Григория Дмитриевича Белова // СА. 1982. № 1. С. 299–300.
9. Виноградов Ю.А. Памяти В.Ф. Гайдукевича // Боспорские исследования. 2006. Вып. XIII. С. 3–15.
10. Виноградов Ю.А. Елена Ивановна Леви (1903–1996) (по поводу 110-й годовщины со дня рождения) // Записки ИИМК. 2014. № 9. С. 187–196.
11. Виноградов Ю.А. А.Н. Карасёв. К 120-летию со дня рождения // Археологические вести. 2021. № 33. С. 236–244.
12. Государственная Академия истории материальной культуры им. Н.Я. Марра (Ленинград). Бюро по делам аспирантов. Сборник. Т. 1. Л.: Гос. акад. матер. культуры, 1929. 106 с.
13. Ермошко А.Г. Изменение социального облика студенчества Петроградского/Ленинградского университета в первые годы советской власти (1917–1925) // Вестник Пермского университета. История. 2011. № 2(16). С. 137–144.
14. Жебелёв С.А. Учёные степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М.: ИА РАН, 2002. С. 146–194.
15. Захарова Е.Ю., Пахомов Р.В. Сергей Николаевич Замятин – аспирант ГАИМК (по материалам архива ВОКМ) // Археология Евразийских степей. 2021. № 5. С. 175–182
16. Калачева О.В. Формирование индивидуальной и коллективной идентичности в контексте неофициального праздника (на примере празднования Дня рождения в России советского и постсоветского периодов): Автореф. дисс. ... канд. социологич. наук. М., 2003. 22 с.
17. Киличина А.И. Спорные вопросы в анализе идей доступности образования в России в начале XX века // Национальное единство и региональное многообразие историко-педагогических интерпретаций прошлого и настоящего в развитии педагогической науки, системы образования и семьи: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции – XXXVII сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики РАО, Калуга, 26–28 сентября 2024 года. Калуга, 2024. С. 325–332.
18. Кузьмина О.М. Археолог и исследователь П.Н. Шульц: страницы истории Ржевского Верхневолжья // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: Сборник научных трудов / Под ред. Е.Г. Милогиной. Вып. 10 (16). Тверь: Тверской гос. ун-т, 2021. С. 122–128.
19. Кумпан К.А. Институт истории искусств на рубеже 1920–1930-х годов // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде: По архивным материалам. М.: Редакция журнала «Новое литературное обозрение», 2014. С. 8–128.
20. Мерешкова З.И. Методы исследования экспериментальной педагогики (начало XX-го века) // Lingua-Universum. 2010. № 3. С. 70–75.
21. Михайлов К.А. Михаил Константинович Каргер (1903–1976): Биографические очерки. СПб.: ИИМК РАН, 2023. 114 с.
22. Нессельштраус Ц.Г. Павел Николаевич Шульц (1900–1983) // К юбилею факультета теории и истории искусств Института имени И.Е. Репина. 75 лет: Сб. науч. трудов. СПб., 2012. С. 1101.

23. Никуленкова Е.В., Скворцов В.Н. Поиски новых форм подготовки научных кадров в Советской России в 1920-е гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 4–2. С. 21–30.
24. Новиков А.Ф. По поводу Российского Института истории искусств: письмо к Ф.Н. Петрову 6 декабря 1923 г. // Литературное наследство. 1970. Т. 82. С. 61–62.
25. Платонова Н.И., Бондарева В.В., Жервэ Н.Н., Титова А.А. «В археологию ворвался, как Метеор...»: В.И. Равдоникас и его деятельность на начальном этапе // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3-х томах, Самара, 01–02 октября 2020 года. Том III. Самара: Самарский гос. социально-педагогический ун-т, 2020. С. 149–151.
26. Рыжов А.Н. К вопросу о доступности среднего и высшего образования в Российской империи в начале XX в. // Источники исследования о педагогическом прошлом: интерпретация проблем и проблемы интерпретации: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Москва, 20–21 сентября 2019 года. М.: Московский педагогический гос. ун-т, 2019. С. 517–532.
27. Скворцов А.М. Подготовка кадров высшей квалификации по античной истории в СССР 1920-х – начале 1930-х гг. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 177–184.
28. Скворцов А.М. От научных сотрудников II разряда к аспирантам: подготовка кадров высшей квалификации по медиевистике в Ленинграде (1920–1930-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2023. Т. 10, № 4(40). С. 59–65.
29. Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Эпоха поздней бронзы. Ранний железный век. Античность. СПб.: Алетейя, 2017. 448 с. (Археологические атласы Северного Причерноморья. Вып. 2).
30. Спицын А.А. Археологические раскопки / Имп. Археол. комис. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910. 125 с.
31. Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 332 с.
32. Тихонов И.Л. Археологическое образование в российских университетах в 1920-е годы // Очерки истории Отечественной археологии. Вып. V. М.: ИА РАН, 2019. С. 361–379.
33. Тункина И.В. Из научного наследия: Записка о присуждении учёных степеней С.А. Жебелёва. Предисловие публикатора // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М.: ИА РАН, 2002. С. 142–145.
34. Устав Коммерческого училища Общества экспериментальной педагогики в С.-Петербурге: [Утв. 4 февр. 1913 г.]. СПб., 1913. 24 с.
35. Шульц П.Н. Одной из течений в портретной скульптуре Антониновской эпохи // Античный портрет. Л.: Изд. ГИИИ, 1929. С. 94–106.
36. Щеглов А.Н. Памяти Павла Николаевича Шульца // СА. 1984. № 3. С. 285–287.
37. Юрочкин В.Ю. “Славянский вопрос” и академическая археология в послевоенном Крыму. К 120-летию Павла Николаевича Шульца (1901–1983 гг.) // РА. 2021. № 4. С. 191–201.
38. Юрочкин В.Ю. Крымская сессия 1952 г. – рубежное событие в крымской археологии // ПИФК. 2024. № 3(85). С. 272–284.

REFERENCES

1. August 2nd. Decree on the rules of admission to higher educational institutions of the RSFSR. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12389-2-avgusta-dekret-o-pravilah-priema-v-vysshie-uchebnye-zavedeniya-rsfsr#mode/inspect/page/4/zoom/4>.
2. Alekshin V.A. A.A. Iessen – is an outstanding researcher of the antiquities of the Caucasus. *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury* [Notes of the Institute of the History of Material Culture], 2017, no. 16, pp. 160–172.
3. Ananyev V.G. Institute of Art History and suburban palaces-museums in the 1920s. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2014, no. 3, pp. 128–144.
4. Ananyev V.G. “Barchuki from the Zubov Institute” and the “first renaissance” of Peterhof: Towards the history of museum practice at the Institute of Art History in 1924. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [St. Petersburg Historical Journal], 2018, no. 2 (18), pp. 231–241.
5. Chemodurov N.N., Vlasov V.P., Denisenko N.D. *Antichnoe poselenie Varvarovka I v Nizhnem Pobuzh'e: material'nye raskopok 1938–1939 gg.* [Antique settlement Varvarovka I in the Lower Bug region: materials of excavations in 1938–1939]. St. Petersburg, Simferopol: Institute of the History of Material Culture of RAS, Institute of Archeology of the Crimea of RAS Publ., 2023, 344 p. (Archaeological sites of the Northern Black Sea region)
6. Smekalova T.N. (Ed.). *Arkhеologicheskie razvedki na poluostrovo Tarkhankut* [Archaeological exploration on the Tarkhankut peninsula]. Simferopol: Dolya Publ., 2010, 179 p.
7. Basyuk V.S., Krasnoshchekov N.A. Features of the organization of the training of scientific and scientific-pedagogical personnel in Russia: historical experience and current state. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie* [Bulletin of the Moscow University. Series 20: Teacher education], 2023, vol. 21, no. 4, pp. 7–42.

8. Belyaev S.A. In memory of Grigory Dmitrievich Belov. *Sovetskaia arkheologija* [Soviet Archaeology], 1982, no. 1, pp. 299–300.
9. Vinogradov Yu.A. In memory of V.F. Gaidukevich. *Bosporskie issledovaniia* [Bosporus Studies], 2006, vol. 13, pp. 3–15.
10. Vinogradov Yu.A. Elena Ivanovna Levi (1903–1996) (on the occasion of the 110th anniversary of his birth). *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury* [Notes of the Institute of the History of Material Culture], 2014, no. 9, pp. 187–196.
11. Vinogradov Yu.A. A.N. Karasev. On the 120th anniversary of his birth. *Arkhеologicheskie vesti* [Archaeological news], 2021, no. 33, pp. 236–244.
12. *Gosudarstvennaya Akademia istorii material'noi kul'tury im. N.Ia. Marra (Leningrad)*. Biuro po delam aspirantov. *Sbornik* [Marr State Academy of the History of Material Culture (Leningrad)]. Bureau for Postgraduate Students. Collection. Vol. 1. Leningrad, 1929, 106 p.
13. Ermoshko A.G. Changing the social appearance of students at Petrograd/Leningrad University in the early years of Soviet power (1917–1925). *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija* [Bulletin of Perm University. History], 2011, no. 2(16), pp. 137–144.
14. Zhebelev S.A. Academic degrees in their past, their revival in the present and the looming danger of their degeneration in the future. *Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii* [Essays on the history of Russian archeology]. Vol. III. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2002, pp. 146–194.
15. Zakharova E.Yu., Pakhomov R.V. Sergey Nikolaevich Zamyatinin — postgraduate student at GAIMK (based on the materials of the VOKM archive). *Arkheologija Evraziiskikh stepei* [Archeology of the Eurasian Steppes], 2021, no. 5, pp. 175–182.
16. Kalacheva O.V. *Formirovanie individual'noi i kollektivnoi identichnosti v kontekste neofitsial'nogo prazdnika (na primere prazdnovaniya Dnia rozhdeniya v Rossii sovetskogo i postsovetskogo periodov)* [Formation of individual and collective identity in the context of an unofficial holiday (on the example of birthday celebrations in Russia of the Soviet and post-Soviet periods)]. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences. Moscow, 2003, 22 p.
17. Kilyachina A.I. Controversial issues in the analysis of the ideas of accessibility of education in Russia at the beginning of the 20th century. *Natsional'noe edinstvo i regional'noe mnogoobrazie istoriko-pedagogicheskikh interpretatsii proshloga i nastoiashchego v razvitiu pedagogicheskoi nauki, sistemy obrazovaniia i sem'i: Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii – XXXXVII sessii Nauchnogo soveta po problemam istorii obrazovaniia i pedagogicheskoi nauki pri otdelenii filosofii obrazovaniia i teoreticheskoi pedagogiki RAO*, Kaluga, 26–28 sentiabria 2024 goda [National unity and regional diversity of historical and pedagogical interpretations of the past and present in the development of pedagogical science, the education system and the family: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference – XXXXVII session of the Scientific Council on the History of Education and Pedagogical Science at the Department of Philosophy of Education and Theoretical Pedagogy of the Russian Academy of Education, Kaluga, September 26–28, 2024], Kaluga, 2024, pp. 325–332.
18. Kuzmina O.M. Archaeologist and researcher P.N. Schultz: a page in the history of the Rzhev Upper Volga region. E.G. Milyugina (ed.), *Rodnaia slovesnost' v sovremenном kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve: Sbornik nauchnykh trudov* [Native literature in the modern cultural and educational space: Collection of scientific papers]. Vol. 10 (16). Tver, Tver State University Publ., 2021, pp. 122–128.
19. Kumpan K.A. Institute of Art History at the turn of the 1920s–1930s. *Konets institutskii kul'tury dvadsaticheskikh godov v Leningrade: Po arkhivnym materialam* [The end of cultural institutions of the twenties in Leningrad: Based on archival materials]. Moscow, Editorial Office of the journal “New Literary Review”, 2014, pp. 8–128.
20. Mereshkova Z.I. Research methods of experimental pedagogy (the beginning of the 20th century). *Lingua-Universum*, 2010, no. 3, pp. 70–75.
21. Mikhailov K.A. *Mikhail Konstantinovich Karger (1903–1976): Biograficheskie ocherki* [Mikhail Konstantinovich Karger (1903–1976): Biographical essays]. St. Petersburg, Institute of the History of Material Culture RAS Publ., 2023, 114 p.
22. Nesselstrauss Ts.G. Pavel Nikolaevich Schultz (1900–1983). *K iubileiu fakul'teta teorii i istorii iskusstv Instituta imeni I.E. Repina. 75 let* [On the anniversary of the Faculty of Theory and Art History of the I.E. Repin Institute. 75 years]. St. Petersburg, 2012, p. 1101.
23. Nikulenova E.V., Skvortsov V.N. The search for new forms of scientific personnel training in Soviet Russia in the 1920s. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 2016, no. 4–2, pp. 21–30.
24. Novikov A.F. Concerning the Russian Institute of Art History: a letter to F.N. Petrov on December 6, 1923. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], 1970, vol. 82, pp. 61–62.
25. Platonova N.I., Bondareva V.V., Gervais N.N., Titova A.A. “He burst into archaeology like a Meteor...”: V.I. Ravdonikas and his activities at the initial stage. *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Samare, Samara, 01–02 oktiabria 2020 goda* [Proceedings of the sixth (XXII) All-Russian Archaeological

- Congress in Samara, Samara, October 01–02, 2020]. Vol. III. Samara, Samara State Socio-Pedagogical University Publ., 2020, pp. 149–151.
26. Ryzhov A.N. On the issue of accessibility of secondary and higher education in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. *Istochniki issledovaniia o pedagogicheskem proshlom: interpretatsiia problem i problemy interpretatsii: Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 20–21 sentiabria 2019 goda* [Sources of research on the pedagogical past: interpretation of problems and problems of interpretation: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, September 20–21, 2019], Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2019, pp. 517–532.
  27. Skvortsov A.M. Training of highly qualified personnel in ancient history in the USSR in the 1920s – early 1930s. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* [Magistra Vitae: an electronic journal of historical sciences and archeology], 2016, no. 2, pp. 177–184.
  28. Skvortsov A.M. From second-class researchers to postgraduates: training highly qualified personnel in medieval studies in Leningrad (1920–1930s). *Vestnik Omskogo universiteta. Seria: Istoricheskie nauki* [Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences], 2023, vol. 10, no. 4(40), pp. 59–65.
  29. Smekalova T.N., Kutaisov V.A. *Arkheologicheskii atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Epokha pozdnei bronzy. Rannii zheleznyi vek. Antichnost'* [Archaeological atlas of the North-Western Crimea. The Late Bronze Age. The Early Iron Age. Antiquity]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2017, 448 p. (Archaeological Atlases of the Northern Black Sea region, vol. 2).
  30. Spitsyn A.A. *Arkheologicheskie raskopki* [Archaeological excavations]. St. Petersburg, R. Golike and A. Vilborg Publ., 1910, 125 p.
  31. Tikhonov I.L. *Arkheologiiia v Sankt-Peterburgskom universitete: Istorioraficheskie ocherki* [Archeology at St. Petersburg University: Historiographical essays]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2003, 332 p.
  32. Tikhonov I.L. Archaeological education in Russian universities in the 1920s. *Ocherki istorii Otechestvennoi arkheologii* [Essays on the History of Russian Archeology]. Vol. V. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2019, pp. 361–379.
  33. Tunkina I.V. From the scientific heritage: A note on the awarding of academic degrees by S.A. Zhebelev. Preface by the publisher. *Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii* [Essays on the history of Russian archeology]. Vol. III. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2002, pp. 142–145.
  34. *Ustav Kommercheskogo uchilishcha Obshchestva eksperimental'noi pedagogiki v S.-Peterburge* [The Charter of the Commercial College of the Society of Experimental Pedagogy in St. Petersburg]. St. Petersburg, 1913, 24 p.
  35. Schultz P.N. One of the trends in portrait sculpture of the Antonin era. *Antichnyi portret* [Antique portrait], Leningrad, 1929, pp. 94–106.
  36. Shcheglov A.N. In memory of Pavel Nikolaevich Schultz. *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet Archaeology], 1984, no. 3, pp. 285–287.
  37. Yurochkin V.Yu. The Slavic Question and Academic archaeology in the post-war Crimea. Dedicated to the 120th anniversary of Pavel Nikolaevich Schultz (1901–1983). *Rossiiskaia arkheologiia* [Russian Archaeology], 2021, no. 4, pp. 191–201.
  38. Yurochkin V.Yu. The Crimean session of 1952 is a milestone event in Crimean archeology. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2024, no. 3(85), pp. 272–284.

Информация об авторе

Чемодуров Н. Н. – научный сотрудник отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: ODK-0773-2025, Scopus ID: 57210161131.

Author information

Chemodurov N. N. – Researcher of the Mediaeval Archaeology Department of the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: ODK-0773-2025, Scopus ID: 57210161131.